

ТЕАТР НИКОГДА НЕ УХОДИЛ ОТ ЖИЗНИ И СЕЙЧАС НЕ УХОДИТ. ОН ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ СТРАНОЙ РАЗБИРАЕТСЯ, СОПОСТАВЛЯЕТ, ИЩЕТ И МНОГОЕ УЖЕ ДЕЛАЕТ.

М. УЛЬЯНОВ, председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР.
Из выступления на XIX Всесоюзной конференции КПСС.

Три года назад в один из самых «спокойных» московских театров — в Ермоловский — пришел новый и очень «беспокойный» главный режиссер. Еще не так давно, когда потенциальные зрители, по достоинству оценив возмужавшие ГИМ, ГИУМ и Калининский проспекты, ближе к вечеру задавались вопросом, куда бы в столицу сходить в театр, перед ним, в самом начале улицы Горького, приветливо распахнули двери Театр имени Ермоловой, за полчаса до начала спектакля зритель подходил к кассе. Там были билеты. С сумками, заполненными раскисшими кофе, батонами колбасы, финскими сапорогами и югославскими свитерами, выслаждались зрители «искусств».

Затем много переменылось. Валерию Фокину удалось добиться величезной славы, определяющей: избывшись от случайной публики. У театра имени Ермоловой появились свои зрители, прилежные, правда, поначалу лишь от острой необходимости, так как «Говори!» и «Спортивные игры» 1981 года.

Обеединение начало спектаклей, поставленных в театре, — болезненные точки, к которым приспосабливается и художническая мысль. И вот — спектакль по пьесе А. Бураского «Второй год свободы». Политическая и социальная перестройка страны, но дряхлый лет назад, во времена французской революции. Как могло случиться, что люди, искренне провозгласившие и отстаивавшие принципы Свободы, Равенства и Братства, сами оказались жертвами какого-то гигантского исторического Молох? — задаются вопросом авторы спектакля. Почему так возможен фарс-мишель, когда дорогие девушки украшают цветами... гильотину? Есть ли закономерность в том, что Неподкупный Робеспьер отправляет на свой своего соратника Дантона, а через несколько месяцев будет казнен сам по приказу Конвента?

Сразу же после премьеры спектакля «Второй год свободы» к Валерию Фокину пришел молодой человек, в очень резкой форме потребовавший вернуть театру истинное лицо, да еще прямо напирал: «Дурацкое, никому неизвестно, что ваш спектакль направлен против нашей революции 1917 года!» — почти кричал он.

Валерий
ФОКИН.

ПОЧЕМУ ТИЛЫ ИЛИЧ УРАЖАЮТ ЦВЕТАМИ?

Помните ли вы этого товарища, Валерий Владимирович, а как носится вот к таким проявлениям?

— Конечно, конечно же. А как отнестись? К таким проявлениям я отношусь спокойно, потому что процесс перестройки вызвал и в жизни, привел в движение самые различные общественные силы. Но с тех пор драматизм, в том числе и активных сторонников сталинских «норм жизни». Все, что отличается от их мировосприятия, они привычно объявляют «антисоциальным». Для них Советская власть и социализм отождествлены с порядком, царившим в стране при Хозяине в тридцатых и начале пятидесятых годов. Но мнение сталиниста — не самый трудный случай. Спектакль являлся и с других позиций. Ведь многообразие профессиональных инициатив, которые не сеют, не пахнут, но других поучают, куда не делась из нашей страны? Интересы де-посты-ществу не интересовали их никогда. А сегодня их глупая работа «консерваторов» или «систем», по удальному мнению экономиста и публициста Г. Понява. Они согласны на все, но при этом условии: «оставьте за ними право разрешать», «запрещать, санкционировать и так далее, хотя именно за это они правы, иметь ли должны. Они защищают свои корыстные интересы, поскольку именно за свою разрешающе-запрещающую деятельность они получают деньги, причем весьма немалые по сравнению со многими другими сложными профессиями нашей страны».

— Государство, же бюрократ получает больше, чем врач или учитель, вероятно, можно назвать бюрократическим государством...

Да, и сомнения, это точное определение еще совсем недавней нашей ситуации. Борьба с многоименной армией начальников предстает очень нелегкой — никакая революция, никакая перестройка не способна изменить образ жизни. Ермоловский, чем они профессионально владеют, это демоноги. Они убеждены, что достаточно четыре-пять раз подряд произнести слово «перестройка» — и тройная карточка на полях возрастает аж в четыре раза. Что же касается управления культурой...

Далее рассказчик — так на примере Ермоловского театра, провозгласившего три года назад определенную программу повышения социальной чувствительности, подлинной политической активности на театре. Нет, это не было некоей изобретенной, приказной установкой, только политической силой: и ничего иного! Пусть в театре, действительно расцветает все «сто цветов» из китайской поговорки — я, например, как руководитель театра придерживаюсь, по моему,

именно такой позиции. На нашей сцене идут спектакли по пьесам талантливых молодых советских драматургов, а, скажем, на следующий вечер зрители могут познакомиться с классиком западной драматургии — Беккетом или Оби. Пользуется популярностью такой «аполитичный» спектакль, как «Костюмеры», с прекрасными актерами Всеволодом Януком и Зиновием Гердтом.

Но все же главное, программное направление Театра имени Ермоловой — политическое. Спектакль «Говори!» стал своеобразной визитной карточкой театра. Год, когда он был поставлен, критика поспешно восторженно объявила «публицистическим сезоном». У нас критика вообще всегда торопится все четко обозначить и разграничить, дать ярлык и положить на полку. Вокруг «публицистического театра» царит радостная эйфория, причем как у администраторов от искусства, так и у критики. Что уж говорить про зрители. Но такой взрыв произошел не только в театре, но и в литературе, прессе, кино, на телевидении. А как вели себя в то время чиновники?

— Извините, что перебиваю, но это вам могу сказать я. Условно можно выделить московских театров, режиссеру очень интересую, профессиональному, руководителе культурой товарищу дружески, однако весьма настойчиво: советовать: «А вы делайте, как Фокин в Ермоловском». Не то можно в ядре-гарде остаться...

— Какой ужас! Брешу, я про это же: вот она, наша давнишняя болезнь! «Равняйся на положительные образцы!» — слышится начальственное указание. И если сегодня ермоловцы из передовых, то и все должны стать, как ермоловцы,

и вот тогда у нас в театре все будет очень-очень хорошо. Но отрянем «публицистический сезон», и сегодня товарищи из органов управления культурой, сочтя, видно, «публицистическую кампанию» на театре проведенной, вдруг, весьма неожиданно, заявляют, что, мол, хватит нам заниматься этим вашим экспериментом, экономикой, решением эстетических организационных вопросов, — ставьте вы просто спектакли, и все будет очень хорошо. После этого уважаемые товарищи руководители делают следующий шаг в своей логической выверенной цепочке. Они спрашивают: «А почему, собственно, мы не ставим классику? Пора же и классику ставить! Что вы ее хвалите за современные пьесы — они же сиюминутны, несовершенны. Классика — это великая школа! Это же золотой фонд! Не ставя классику, вы себя объединяете!»

Вроде бы — ну что на это возразить? Только вот три года назад те же самые люди, с той же неустойчивой убежденностью в своей правоте восклицали: где герой сегодняшнего дня? Где современная проблематика?

Я пойнал себя на мысли, что никогда еще меня, театрального режиссера, переводчики газет не уговаривали ставить

— Мне хорошо знакомы эти позиции, эти настроения. Можно подумать, что так говорится, потому что это вроде бы порождение, подопустное, вроде бы «про любовь» почитание всем, хотя на самом деле «про любовь» поставить и сыграть гораздо труднее, чем сделать самый сложный политический спектакль.

Заявление «я хочу про любовь» не такое простое или наивное, как это может показаться на первый взгляд. Например, такой уважаемый критик, как Вера Максимова, категорически не принимает пьесу Михаила Шварца «Дальше... дальше...» — по соображениям скорее эстетическим, чем идеологическим порядка, провозгласившая: «Верните театр театру!». «Дайте же сцену больше говорить о человеке, его горестях и радостях, а политику, мол, оставьте для учебников по истории партии. Иначе, проблемы человека, отдельной личности противопоставляются разговору о проблемах общественно-политических. Я же убежден, что без театра политического, без трагического самого глупого и болезненного вопроса современности, говорить всерьез о театральном искусстве сегодня уже нельзя».

И по высказываниям прессы последнего

● Репертуар В. Фокин.
● О. Меньшиков — Робеспьер (слева) и А. Бауэв — Дантон в спектакле «Второй год свободы».

времен, я по реакции определенной части зрителей можно констатировать явную пресненность общественно-политической проблематики. Театр рассматривается как место, куда хочется сходить отдохнуть, развлечься, но не забывая себе голову в эстетических сложностях. Позицию «ой, устал», «ой, надоело», «ой, не хотим про политику, хотим про любовь» я воспринимаю как-то очень болезненно, потому что за этим стоит нежелание подключать себя как гражданина к важнейшим событиям, происходящим сегодня в стране. На эту автанию, косность и устаточенную очень резко расценивают противники перестройки — политическая индифферентность общества или справедливо видят свой шанс выжить. Активизировать, пробудить политическое мышление зрителей, — ставшая из не только привычно соперничать любимым перипетиям героев, — вот задача на сегодня. Задача сложная, так как живых традиций настоящего политического театра в стране практически нет. Когда зритель узнает, что спектакль посвящен любимому, он сразу же сжимает и впадает в уныние, по своему горькому опыту зная лишь примеры всеподуличного. Понятие политического театра дискредитировано. — Это как ни-тин! Поэтому про французскую революцию мы делаем не исторический спектакль — в этом случае звали бы Гюго и его знаменитый роман «Девяносто третий год», — а спектакль буржуазный, являющийся и сегодняшним чувством.

И в заключение скажу: никогда не грешил тем, что поспешаю выпускать спектакли какому-нибудь съезду, совещанию, симпозиуму, консилиуму, однако на этот раз своего рода внутреннее посвящение «Второго года свободы» девятиднейной партконференции существует не только у меня, но и у многих, кто имеет отношение к этому спектаклю.

Беседа вел
Виктор БУРЖОВ